

Tożsamość (w) przestrzeni

Сущность пространства

пространство сущности

Studia dedykowane

Profesorowi Wasilijowi Szczukinowi

TOŻSAMOŚĆ (W) PRZESTRZENI

СУЩНОСТЬ ПРОСТРАНСТВА /
ПРОСТРАНСТВО СУЩНОСТИ

SCRIPTA)|C ŁUŻNIANA

Tom II

TOŻSAMOŚĆ (W) PRZESTRZENI

**СУЩНОСТЬ ПРОСТРАНСТВА /
ПРОСТРАНСТВО СУЩНОСТИ**

**Studia dedykowane
Profesorowi Wasilijowi Szczukinowi**

**Pod redakcją
Matyldy Chrzęszcz,
Kseni Dubiel
i Heleny Duć-Fajfer**

Kraków

Matylda Chrząszcz

Uniwersytet Jagielloński, Kraków

📧 <https://orcid.org/0000-0003-4313-5995>

✉ matylda.chrzaszcz@uj.edu.pl

Ksenia Dubiel

Uniwersytet Jagielloński, Kraków

📧 <https://orcid.org/0000-0002-7512-2235>

✉ ksenia.panas@uj.edu.pl

Helena Duć-Fajfer

Uniwersytet Jagielloński, Kraków

📧 <https://orcid.org/0000-0001-9436-3846>

✉ helena.duc-fajfer@uj.edu.pl

© Copyright by individual authors, 2022

Recenzenci

dr hab. Andrzej Dudek, prof. UJ

Prof. Natalia Vesselova, University of Ottawa

Opracowanie redakcyjne

Irena Gubernat (j. polski), Yanina Ryier (j. rosyjski)

Projekt okładki

Lesław Sławiński

ISBN 978-83-8138-730-9 (druk)

ISBN 978-83-8138-731-6 (PDF)

<https://doi.org/10.12797/9788381387316>

Na okładce: mapa Moskwy, 1726 (www.rijksmuseum.nl)

Publikacja dofinansowana przez Wydział Filologiczny Uniwersytetu Jagiellońskiego

WYDAWNICTWO KSIĘGARNIA AKADEMICKA

ul. św. Anny 6, 31-008 Kraków

tel.: 12 421-13-87; 12 431-27-43

e-mail: publishing@akademicka.pl

Księgarnia internetowa: <https://akademicka.com.pl>

Fot. Barbara Szczukin

TABULA GRATULATORIA

- Zbigniew Babik, Uniwersytet Jagielloński
Vsevolod Bagno, Rosyjska Akademia Nauk /
Российская академия наук
Krzysztof Bak, Uniwersytet Jagielloński, Uni-
wersytet Sztokholmski / Stockholms
universitet
Katarzyna Bazarnik, Uniwersytet Jagielloński
Zofia Berdychowska, Uniwersytet Jagielloński
Krzysztof Bielawski, Uniwersytet Jagielloński
Piotr de Bończa Bukowski, Uniwersytet
Jagielloński
Dariusz Brodka, Uniwersytet Jagielloński
Jerzy Brzozowski, Uniwersytet Jagielloński
Renata Bura, Uniwersytet Jagielloński
Anna R. Burzyńska, Uniwersytet Jagielloński
Magdalena Wasilewska-Chmura, Uniwersytet
Jagielloński
Wojciech Chlebda, Uniwersytet Opolski
Urszula Cierniak, Uniwersytet Humanistyczno-
Przyrodniczy im. Jana Długosza w Często-
chowie
Andrzej Dudek, Uniwersytet Jagielloński
Katarzyna Dybeł, Uniwersytet Jagielloński
Adam Fałowski, Uniwersytet Jagielloński
Lazar Fleishman, Uniwersytet Stanforda / Stan-
ford University
Dorota Gil, Uniwersytet Jagielloński
Pavel Glushakov, Ryga
Marek Hałaburda, Uniwersytet Papieski Jana
Pawła II
Agata Hołobut, Uniwersytet Jagielloński
Gabriella Elina Imposti, Uniwersytet Boloński /
Università di Bologna
- Jadwiga Janaszek, Kielce
Maria Jodłowiec, Uniwersytet Jagielloński
Beata Kałęba, Uniwersytet Jagielloński
Jerzy Kapuścik, Uniwersytet Jagielloński
Lubov Kiselova, Uniwersytet w Tartu / Tartu
Ülikool
Jadwiga Kita-Huber, Uniwersytet Jagielloński
Anna Klimkiewicz, Uniwersytet Jagielloński
Maria Kłańska, Uniwersytet Jagielloński
Agnieszka Kocik, Uniwersytet Jagielloński
Alexandr Korablev, Doniecki Uniwersytet
Narodowy / Донецкий национальный
университет
Lesława Korenowska, Uniwersytet Pedagogicz-
ny w Krakowie
Lucyna Korycińska, Uniwersytet Jagielloński
Katalin Kroó, Uniwersytet Loránda Eötvösa /
Eötvös Loránd Tudományegyetem
Olga Kuptsova, Moskiewski Uniwersytet Pań-
stwowy / Московский Государственный
университет
Halina Kurek, Uniwersytet Jagielloński
Tatjana Kuzovkina, Uniwersytet Talliński / Tal-
linna Ülikool
Andrzej de Lazari, Uniwersytet Łódzki
Bohdan Łazarczyk, Uniwersytet Jagielloński
Lidia Macheta, Uniwersytet Jagielloński
Dina Magomedova, Rosyjska Akademia Nauk /
Российская академия наук
Izabella Malej, Uniwersytet Wrocławski
Agnieszka Malska-Lustig, Uniwersytet
Jagielloński

- Elżbieta Mańczak-Wohfeld, Uniwersytet Jagielloński
- Maria Maślanka-Soro, Uniwersytet Jagielloński
- Gabriela Matuszek-Stec, Uniwersytet Jagielloński
- Barbara Michalak-Pikulska, Uniwersytet Jagielloński
- Roman Mnich, Uniwersytet Warszawski
- Galina Nefagina, Akademia Pomorska w Słupsku
- Arkadiy Neminushchiy, Uniwersytet Dyneburski / Daugavpils Universitāte
- Jakub Niedźwiedź, Uniwersytet Jagielloński
- Sylwia Nowak-Bajcar, Uniwersytet Jagielloński
- Ryszard Nycz, Uniwersytet Jagielloński
- Tereza Obolevitch, Uniwersytet Papieski Jana Pawła II
- Magdalena Ochniak, Uniwersytet Jagielloński
- Barbara Oczkowa, Uniwersytet Jagielloński
- Barbara Olaszek, Uniwersytet Łódzki
- Alexander Ospovat, Uniwersytet Kalifornijski / University of California
- Agnieszka Palej, Uniwersytet Jagielloński
- Ewelina Pilarczyk, Uniwersytet Jagielloński
- Irina Prokhorova, Moskiewski Uniwersytet Państwowy / Московский Государственный университет
- Elżbieta Przybył-Sadowska, Uniwersytet Jagielloński
- Wacław Rapak, Uniwersytet Jagielloński
- Renata Rodak, Uniwersytet Jagielloński
- Rozalia Sasor, Uniwersytet Jagielloński
- Yuliya Sergo, Udmurcki Uniwersytet Państwowy / Удмуртский государственный университет
- Elżbieta Solak, Uniwersytet Jagielloński
- Barbara Sosień, Uniwersytet Jagielloński
- Elena Sozina, Uralski Uniwersytet Federalny / Уральский федеральный университет
- Ewa Stala, Uniwersytet Jagielloński
- Lidia Sudyka, Uniwersytet Jagielloński
- Jan Szczepaniak, Uniwersytet Papieski Jana Pawła II
- Włodzimierz Szturc, Uniwersytet Jagielloński
- Dorota Szumska, Uniwersytet Jagielloński
- Stanisław Śnieżewski, Uniwersytet Jagielloński
- Wanda Świątkowska, Uniwersytet Jagielloński
- Marietta Turyan, Sankt Petersburg
- Anna Walczuk, Uniwersytet Jagielloński
- Jadwiga Waniakowa, Uniwersytet Jagielloński
- Halina Waszkielewicz, Uniwersytet Jagielloński
- Władysław Witalisz, Uniwersytet Jagielloński
- Natalia Vesselova, Uniwersytet Ottawski / University of Ottawa
- Grażyna Zając, Uniwersytet Jagielloński
- Marcin Ziomek, Uniwersytet Jagielloński

Spis treści

TABULA GRATULATORIA	5
BARBARA SZCZUKIN, MAŁGORZATA SZCZUKIN Biogram z bliskiej perspektywy nakreślony	7
HELENA DUĆ-FAJFER Wasilij Gieorgijewicz Szczukin – wszechstronny badacz i erudyta.....	11
SPIS PUBLIKACJI	19
WSTĘP.....	37
Введение	39
PRZESTRZEŃ GEOGRAFICZNA	41
ANDRZEJ ROMANOWSKI Pogranicze polsko-rosyjskie (do roku 1863). Zagadnienia i postacie	43
MAGDALENA DĄBROWSKA Ziemie niemieckie oczyma rosyjskich podróżopisarzy przełomu XVIII i XIX wieku – miejsca wspólne, miejsca różne (wokół <i>Listów Rosjanina podróżującego po Europie od 1802 do 1806 roku</i> Dmitrija Gorichwostowa)	55
Кристина Воронцова Польша в русской литературе постсоветского периода: обзор проблемы	67
Дечка Чавдарова Образ Коми в воспоминаниях болгарских строителей и лесорубов	77
Джон Даглас Клэйтон Гурзуф как <i>locus amoenus</i> в житнетворчестве А.С. Пушкина.....	89
Виктор Скрунда К истории русской меньшинственной идеи в межвоенной Польше (РОМ, 1934)	101

PRZESTRZEŃ PSYCHOLOGICZNA	111
URSZULA TROJANOWSKA	
„Schody w pustkę” – przestrzeń i sen w opowiadaniu <i>Szatniarz</i> Jeleny Dołgopiat.....	113
Ксения Касаткина	
Психологическое пространство «подполья» в повести Ф.М. Достоевского <i>Записки из подполья</i>	125
Сергей Доценко	
Обезвөлвалпал А.М. Ремизова как модель «внутренней эмиграции»...	139
Валерий Мильдон	
Эней и Анна. Пространства судьбы в <i>Энеиде</i> и <i>Анне Карениной</i>	151
Ксения Дубель	
Эго – Гео. Пространство личности или личность пространства? Заметки о ранних стихах Гео Шкурупия	163
MARIA MALEWSKA	
Pamięć i tożsamość w utworze Pavla Amnuela <i>Spowiedź</i>	173
PRZESTRZEŃ TEKSTUALNA	185
Аркадий Гольденберг	
Хронотоп праздника в метасюжете Гоголя.....	187
HELENA DUĆ-FAJFER	
Przestrzeń rosyjskości w literaturze łemkowskiej.....	201
Людмила Луцевич	
Хронотопический континуум поэмы Александра Пушкина <i>Цыганы</i>	217
Ольга Гриневич	
Полемика с усадебным текстом Л.Н. Толстого в романе М. Степновой <i>Сад</i>	231
Юрий Доманский	
Слово «сцена» в паратексте <i>Вишнёвого сада</i> А.П. Чехова. К вопросу о пространстве реально-художественном и пространстве реально-театральном в драматургическом тексте.....	243
Татьяна Автухович	
Экфрасис как способ формирования пространства смысла.....	255

PRZESTRZEŃ URBANISTYCZNA.....	267
KATARZYNA SYSKA	
O mitologii miasta w dramacie Jurija Kławdijewa	
<i>Obłok przypominający delfina.....</i>	269
BOGUSŁAW ŻYŁKO	
O pewnej reprezentacji wieczności (Uwagi o <i>Rzymie</i> Mikołaja Gogola).....	281
DZMITRY KLIABANAU	
Topos Rzymu jako element „mitu Husowskiego” Władzimira Arłoua	
(na materiale powieści <i>Czasy dżumy</i>).....	293
Михаил Строганов	
<i>Город пышный, город бедный</i> и его родственники	305
Павел Лавринец	
Поэтосфера Вильнюса как города храмов	317
Валентина Брио	
Вильнюсские дворики как особенный городской локус	329
Наталия Няголова	
Топос «города греха» в литературной урбанистике болгарской	
«оттепели». Предварительные заметки.....	343
Михаил Тимофеев	
Что делает наши ландшафты такими разными, такими	
привлекательными? (Английский индустриальный пейзаж	
XVIII-XX веков).....	355
PRZESTRZEŃ PODRÓŻY	367
МАТЫЛДА CHRZĄSZCZ	
Podróż do źródeł tożsamości. <i>Wschód</i> Andrzeja Stasiuka	369
МИСЛАЎ МИЛЦАРЕК	
<i>Wyspa</i> Gołowanowa albo o poszukiwaniu sensu w Arktyce.....	379
Александр Вавжинчак	
Путь как судьба. Повесть Виктора Астафьева <i>Перевал</i>	393

PRZESTRZEŃ WIZUALNA	405
Якуб Садовски	
Интеллигент в пространстве анимации. Мультфильмы по рассказам Эдуарда Успенского.....	407
Евгения Строганова	
Женщина с книгой в портретной живописи второй половины XVIII – первой половины XIX в. Модель и пространство. Заметки к теме	421
Наталья Мариевская	
Социальные пространства в динамике сюжета. Анализ драматургии современного фильма.....	435
Наталья Злыднева	
Концепт «путь-дорога» в русской живописи. наброски к теме	449
INDEKS OSÓB	461
Указатель имён.....	467

Сергей Доценко
Таллиннский университет

Обезвөлволпал А.М. Ремизова как модель «внутренней эмиграции»

Созданное русским писателем А.М. Ремизовым мифическое «обезьянье общество» – Обезьянья Великая и Вольная Палата (Обезвөлволпал) – до сих пор остается не до конца понятным феноменом, не имеющим аналогов в истории русской культуры. Игра в Обезвөлволпал многими современниками писателя воспринималась как шутка, розыгрыш, как просто забавная затея Ремизова, изумлявшего литературный Петербург-Петроград (а затем – Берлин и Париж 1920-1950-х годов) своими чудачествами и мистификациями. В этой игре проявилась прежде всего та «веселость духа», которая не покидала Ремизова на протяжении всей его нелегкой и далеко не всегда веселой жизни, помогая переносить житейские невзгоды и лишения. Об этом вспоминал сам Ремизов:

И что я заметил, мои грамоты принимались с добрым чувством: я помню, как читал свою Анатолий Федорович Кони, как слушал Зигфрид – Иван Васильевич Ершов, когда на юбилейном спектакле в Мариинском театре ему читали всенародно, вижу и Федора Кузьмича Сологуба, всегда сурового, вдруг улыбнувшегося на свой знак, и А.М. Горького, возведенного в «князя обезьяньи», втянув воздух и раздувая ноздри. «Из рода Пешковых (ударение на „о“) – князь, какие же мои обязанности?» Я сказал: «никакие». Так, по обезьяньей конституции¹.

¹ А. Ремизов, *Собрание сочинений*: в 10 т., т. 10: *Петербургский буерак*, Русская книга, Москва 2002, с. 256.

А в письме Ремизова к Андрею Седых (1952) читаем:

Спасибо за память: вспомнили Обезволпал. Открыта 45 лет тому назад в Москве. Сколько великих прошло через эту виноградную Палату, а я остаюсь несменяемым канцеляристом, теперь заштатный, так под грамотами и подписываюсь. Обезьяньи грамоты вносили и в самую темь нашей жизни только веселость и никто никогда не оскалился схватить меня себе на зуб².

Сам Ремизов в книге *Кукха* отчасти раскрыл предысторию обезьяньего общества: Обезвелволпал вырос из детской игры в обезьяньего царя Асыку. А первый обезьяний знак, прообраз будущих обезьяньих грамот, которые вручались князьям и кавалерам Обезвелволпала, был сделан для «Ляляшки» – племянницы писателя:

А сама мысль об обезьяньем знаке вышла из игры. [...] И я играл с своей маленькой племянницей, Ляляшкой (Елена Сергевна Ремизова). Надо было чего-нибудь особенное придумать. Она приставала ко мне сделать ей такое, чего ни у кого нет. Вот тут-то я и сделал ей обезьяний знак «для ношения тайно». Этот знак она, конечно, потеряла, и на следующую осень пришлось новый делать, а для пущего бережения знак висел на стене на видном месте – никто не мог догадаться, что это означает: висит, а неизвестно что, а Ляляшка помалкивает³.

Дальнейшая история Обезвелволпала изложена в книге Ремизова *Петербургский буерак*:

Детям очень понравилось играть в обезьяньего царя. Я рисовал им «обезьяньи знаки»: [...] Детей занимало и то, что они должны были носить эти знаки скрытно, никому не заметно – тайна! и то, что если и заметят, все равно никто ничего не поймет, а также трудновыговариваемое имя царя и то, что его никто не видел и о нем никто ничего не знает. Они верили, что только один я, как-то «схвостясь», могу с ним разговаривать и объясняться на «обезьяньем языке». А от детей игра перешла к взрослым, и «обезьянье царство» как-то само собой получило в войну и революцию сатирический характер

² А. Седых, *Далекие, близкие*, 3-е изд., Новое Русское Слово, Нью-Йорк 1979, с. 111.

³ А. Ремизов, *Собрание сочинений*, т. 7: *Ахру*, Русская книга, Москва 2002, с. 59.

сви́фтовского лошадиного царства *гуингнмов*: царь Асыка издавал манифесты и подписывал «собственнохвостно» декреты⁴.

В этом признании Ремизова примечательны два момента: связь Обезвелоппала с сатирическим памфлетом Дж. Свифта и связь Обезвелоппала с эпохой войны и революции 1917 г. Последнее подчеркнем особо: общепринятое мнение о том, что Обезвелоппал возник в 1908 г. (т. е. в год написания *Трагедии о Иуде принце Искаримотском*, где впервые появляется обезьяний царь Асыка), противоречит свидетельству писателя, согласно которому первые грамоты князьям и кавалерам Обезвелоппала (Ф.Ф. Комиссаржевскому, А.П. Зонову и В.Г. Сахновскому) были выписаны и вручены в феврале 1916 г., сразу после премьеры *Иуды* на сцене Театра им. В.Ф. Комиссаржевской⁵. Существование более ранних по времени обезьяньих грамот пока не документировано. Следовательно, годом возникновения Обезвелоппала можно считать 1916 г. – 2-й год войны и канун революции. Это предположение подтверждается обезьяньей грамотой Ивану Дмитриевичу Галактионову, на которой под датой написания грамоты (1 января 1921 г.) рукой Ремизова сделана приписка: «VI г. обезвелоппал<a>»⁶.

Связь Обезвелоппала с событиями и настроениями эпохи русской революции 1917–1920 гг. косвенно подтверждается и включением его основополагающих документов («Манифеста», «Конституции», «Донесения обезьяньего посла обезьяньей вельможе») в автобиографическую книгу Ремизова *Взвихренная Русь*⁷, посвященную жизни писателя в 1917–1921 гг. Таким образом, игра в Обезвелоппал обнаруживает смысл и цель более серьезные и значительные, чем просто шутка или развлечение. Обезьянья утопия Ремизова если и не возникла преимущественно в связи с революцией, то, по крайней мере, приобрела новый смысл и новый импульс в качестве реакции на совершившиеся в России политические события⁸.

Другой важный аспект эволюции ремизовской игры-мистификации связан с эмиграцией Ремизова в 1921 г. Представляется симптоматичным,

⁴ А. Ремизов, *Собрание сочинений*, т. 10: *Петербургский буерак*, Русская книга, Москва 2002, с. 255.

⁵ А. Ремизов, *Собрание сочинений*, т. 7: *Ахру*, с. 59.

⁶ *Инскрипты А.М. Ремизова из коллекции А.М. Луценко*, Эхо, Санкт-Петербург 1993, с. 26-27.

⁷ А. Ремизов, *Собрание сочинений*, т. 5: *Взвихренная Русь*, Русская книга, Москва 2000, с. 207-208, 223-225.

⁸ С. Доценко, *Обезвелоппал А.М. Ремизова как зеркало русской революции*, „Еуропа Orientalis“ 1997, № 2 (XVI), с. 305-320.

что «Манифест» Обезвельволпала публикуется впервые в 1922 г.⁹, затем в 1925 г.¹⁰, и наконец – в 1927 г. в составе книги *Взвихренная Русь*. Иными словами, уже в эмиграции.

Здесь нужно сделать пояснение методологического характера. Изучая историю Обезвельволпала, его цель и функцию, исследователи опираются преимущественно на автокомментарии самого Ремизова (что, несомненно, необходимо и правильно). Большинство этих автокомментариев сделаны в последние годы жизни Ремизова (например, в мемуарной книге *Петербургский буерак*, над которой он работал в конце 1940-х – начале 1950-х годов). То есть автокомментарии Ремизова имеют в известной степени ретроспективный характер. Но всегда ли Ремизов достаточно полно и точно отражает смысл собственной мистификации? Особенно если ему не был задан точный и конкретный вопрос: с какой целью он создал Обезвельволпал? А такого вопроса ему никто не задавал. Автор может (и склонен) акцентировать тот смысл и ту цель, которые ему представляются важными, но отнюдь не все. Кроме того, нужно учитывать, вероятно, что изначальные смысл и цель Обезвельволпала вполне могли трансформироваться, и тогда появляются уже другие смысл и цель, которые возникли в процессе эволюции этой игры-мистификации. Примечательно, что 1-я статья «Конституции» Обезвельволпала провозглашала: «Обезвельволпал (обезьянья-великая-и-вольная-палата) есть общество тайное – происхождение – темное, цели и намерения – неисповедимые [выделено автором – С. Д.], средств – никаких»¹¹.

Таким образом, есть основания рассматривать Обезвельволпал в контексте его эволюции. И тогда станет более очевидным то, что эта игра-мистификация Ремизова в годы его реальной эмиграции (1921-1957) обретает новый смысл и новую функцию.

Как общественно-политическое явление «внутренняя эмиграция» (в качестве альтернативы «эмиграции внешней») начала возникать в 1920-е годы. Само это выражение («внутренние эмигранты») использовал Л. Троцкий в книге *Литература и революция* (1923):

⁹ *Бюллетени Дома искусств*, 1922, № 1/2, с. 31.

¹⁰ А. Ремизов, *Обезьяний манифест*, „Русское эхо” 1925, 30 авг., с. 5. См. также на немецком языке: А. Remizov, *Affenmanifest*, „Die Literarische Welt” 1925, 16. Okt., № 2.

¹¹ А. Ремизов, *Собрание сочинений*, т. 5: *Взвихренная Русь*, с. 207. В книге Ахру. *Повесть Петербургская* (1921) в главе «Альберн» – другой вариант, в котором подчеркнута идея свободы: «Обезвельволпал [...] есть общество тайное, происхождение – темное, цели – свободно выраженная анархия [выделено автором – С.Д.], намерения – неисповедимые, средств – никаких». См.: А. Ремизов, *Собрание сочинений*, т. 7: *Ахру*, с. 27.

И по сю сторону границ осталось немалое количество дооктябрьских писателей, родственных потусторонним, внутренним эмигрантов революции. [...] Октябрь совершенно всерьез показался большинству принципиальных сторонников дооктябрьской культуры нашествием гуннов, от которых нужно уходить в катакомбы с так называемыми «светильниками знания и веры»¹².

Быть вне революции – значит быть в эмиграции. Об этом, конечно, речи нет. Но кроме эмиграции заграничной есть и внутренняя. И путь к ней – отчужденность от революции¹³.

Например, «несомненным внутренним эмигрантом» Троицкий назвал писателя Е. Замятина¹⁴.

Когда мы так ставим вопрос (Обезвелоппал А. Ремизова как модель «внутренней эмиграции»), то делаем акцент на том, что это – прежде всего модель этого феномена (а точнее говоря – одна из возможных моделей). Иными словами, эта модель ремизовского поведения может интерпретироваться как модель «внутренней эмиграции» даже в том случае, если сам Ремизов (и/или его окружение) не осмыслили ее эксплицитно в таких терминах.

Принципиально важно другое: признаки и интенции ремизовского Обезвелоппала вполне напоминают признаки феномена «внутренней эмиграции»¹⁵. Какие же это признаки? Прежде всего, Обезвелоппал – это образ иного государства, иного культурного пространства. Образ этого иного культурного пространства у Ремизова, конечно же, получился утопический, о чем прямо сказано в «Манифесте» Обезвелоппала:

Мы, милостью всевеликого самодержавного повелителя лесов и всея природы – АСЫКА ПЕРВЫЙ верховный властитель всех обезьян и тех, кто к ним

¹² А. Троицкий, *Литература и революция*, Политиздат, Москва 1991, с. 36.

¹³ Там же, с. 69.

¹⁴ Там же, с. 39. О феномене внутренней эмиграции см. также: Е. Иванова, *Феномен внутренней эмиграции*, „Век толерантности” 2001, вып. 1-2, [в:] <http://www.tolerance.ru/VT-1-2-fenomen.php?PrPage=VT> (28.06.2022).

¹⁵ См., например, как Э. Герштейн описывает свой личный опыт ухода во «внутреннюю эмиграцию» в конце 1920-х годов: «[...] С самой молодости, не принадлежа к побежденным классам, я чувствовала себя отщепенцем. У меня оставалось тяготение к более тонкой и богатой духовной культуре, но не было знаний, были определенные вкусы в искусстве, доступные немногим, но не было умения и таланта [...]. Словом, я принадлежала к числу тех, кто [...] „не помещался” в современной жизни». Э. Герштейн, *Мемуары*, ИНАПРЕСС, Санкт-Петербург 1998, с. 395.

добровольно присоединился, презирая гнусное человечество, омрачившее свет мечты и слова, объявляем хвостатым и бесхвостым, в шерсти и плешивым, приверженцам нашим, что здесь в лесах и пустынях нет места гнусному человеческому лицемерию, что здесь вес и мера настоящие и их нельзя подделывать и ложь всегда будет ложью, а лицемерие всегда будет лицемерием, чем бы они ни прикрывались; а потому тем, кто обмакивает в чернильницу кончик хвоста или мизинец, если обезьян бесхвост, надлежит помнить, что никакие ухищрения пузатых отравителей в своем рабьем присяде, как будто откликающихся на вольный клич, но не допускающих борьбу за этот клич, не могут быть допустимы в ясно-откровенном и смелом обезьяньем царстве, и всякие попытки подобного рода будут караемы изгнанием в среду людей человеческих, этих достойных сообщников лицемеров и трусливых рабов из обезьян, о чем объявляем во всеобщее сведение для исполнения [...]»¹⁶.

Обезьянье царство явно противопоставляется всему «гнусному человечеству» как царство свободы и истины. В событиях 1917-1920 гг. Ремизов видел трагедию чаемой, но не обретенной Россией свободы (в книге *Взвихренная Русь*): «Никогда так ярко не горела звезда – мечта человека о свободном человеческом царстве на земле, Россия в семнадцатый год! но и никогда и нигде на земле так жестоко не гремел погром»¹⁷.

Идея свободы человека обернулась, по мысли Ремизова, торжеством рабства, еще худшего, чем прежде. 8 марта 1917 г. он записывает в дневнике: «Тогда [т. е. при царизме – С.Д.] было рабство и теперь тоже. Но теперь рабство худшее»¹⁸. А в записи от 14 марта 1917 г. Ремизов замечает: «Русский народ еще не дорос до свобод»¹⁹. 15 июля 1917 г. он вновь возвращается к попытке понять происходящие события:

А подъяремные рабы рабами и остались. Откуда же рабу и измениться. [...] За эти месяцы столько было совершено насилия и не „темными силами“, а партиями. [...] Да уж худшего, что есть, едва ли и было когда. Реки крови льются; убийства, насилия, грабежи, тюрьмы, каторга, все есть, все, все. Промышленность остановилась, голод, свободное слово задавлено, о совести что

¹⁶ А. Ремизов, *Собрание сочинений*, т. 5: *Взвихренная Русь*, с. 208.

¹⁷ Там же, с. 78.

¹⁸ А. Ремизов, *Дневник 1917-1920 гг.*, „Минувшее: Исторический альманах“ 1994, № 16, с. 423.

¹⁹ Там же, с. 424.

говорить, ее нынче никто не признает, да и нет ее. Такая „русская” свобода не дорога. И никто не дорожит ею²⁰.

3 сентября 1917 г. – опять полная горечи запись: «Все ценности не переоценены, а подменены. Первая: свобода – какая это насмешка России – какое издевательство»²¹.

Обезьянье царство царя Асыки, наоборот, предстает как мир истинной свободы. В гл. «Обезвелоппал» (*Взвихренная Русь*) приведено «Донесение обезьяньего посла обезьяньей вельможе»: «[...] У нас, в обезьяньем царстве, свободно-выраженная анархия, но она подчинена строгим правилам и выработанным формам, которым каждый подчиняется совершенно свободно»²². А в «Обезьяньем свидетельстве» сказано, что кавалер обезьяний «волен делать, что хочет, и думать, как взбредет в голову, храня хвост»²³.

Другая причина трагедии русской революции (да и всей русской истории) названа Ремизовым в «Слове о гибели русской земли» (5 октября 1917 г.): «[...] Нет правды на русской земле!»²⁴.

Мир людей («гноусное человечество, омрачившее свет мечты и слова»²⁵) – это мир лжи и лицемерия, и это особенно проявилось в событиях русской революции. 21 апреля 1917 г. Ремизов записывает в дневнике: «Россия гибнет от того, что не держат слова. [...] Сколько обмана, сколько путаницы»²⁶. Еще определеннее сказано в записи от 23 апреля 1917 г.: «Сегодня 2 месяца русской революции. Читая газеты, как-то проникаешь в ту страшную ложь, которой люди опутывают себя. Нигде нет такой лжи, как в газете»²⁷. А вот запись от 6 мая 1917 г.: «Партиям не нужна никакая правда, им нужно, чтобы показать правоту партии: потому так и много лжи»²⁸.

Аналогичное рассуждение находим во *Взвихренной Руси*: «И до чего эти все партии зверски: у каждой только своя правда, а в других никакой, везде лишь ложь. И сколько партий, столько и правд, и сколько правд, столько и лжей»²⁹.

²⁰ Там же, с. 455.

²¹ Там же, с. 461.

²² А. Ремизов, *Собрание сочинений*, т. 5: *Взвихренная Русь*, с. 223.

²³ Там же, с. 224.

²⁴ Там же, с. 407.

²⁵ Там же, с. 208.

²⁶ А. Ремизов, *Дневник 1917-1920 гг.*, с. 426.

²⁷ Там же, с. 427.

²⁸ Там же, с. 428.

²⁹ А. Ремизов, *Собрание сочинений*, т. 5: *Взвихренная Русь*, с. 71.

Неправда для Ремизова – едва ли не главная причина жестокости и насилия, которые творились и творятся в России (*Взвихренная Русь*):

[...] Посмотрите: прогнивает от неправды человеческое сердце. Кровь – три года нож и пуля? – кровь и грязь – все хватком, все нахрапом, „не обманешь, не купишь?“ [...] Бессовестье душит Россию. Гневом дремучего сердца обличите вы эту неправду, эту ложь, кровавую мару³⁰.

Мир же обезьян, как это следует из «Манифеста» Обезвельволпала, – это мир правды и искренности: «[...] Здесь в лесах и пустынях нет места гнусному человеческому лицемерию, [...] здесь вес и мера настоящие и их нельзя подделывать и ложь всегда будет ложью, а лицемерие всегда будет лицемерием [...]»³¹.

В данном фрагменте очевидны реминисценции из лошадиной утопии Дж. Свифта в его книге *Путешествия Гулливера*: эпитет «гнусный» постоянно употреблялся гуингнмами в отношении «еху» (людей), а сами гуингнмы не умели лгать и даже слова «ложь» и «обман» отсутствовали в их языке.

Видя ложь и лицемерие в программах и лозунгах всех политических партий и движений, Ремизов придает своему обезьяньему царству статус альтернативы всем этим партиям и движениям эпохи русской революции, всем «„свободолюбивым“ человеческим ячейкам»³², а «обезьянье» начало «противопологается „изолгавшемуся человеческому с его прописной моралью, лицемерием и лавочной религией“»³³.

На то, что обезьянье царство есть именно государство, недвусмысленно указывает и «Манифест» царя Асыки, и наличие «Конституции», и социальная иерархия обезьяньего царства (обезьяньи князья, обезьяньи кавалеры, обезьяньи служки и т.п.). А также наличие особых (альтернативных) прав у членов Обезвельволпала при пересечении государственных границ:

Обезьянье свидетельство заменяет визы во все государства и дает бесконтрольный пропуск в леса, в поля, в болота и прочие трупщобы всего земного шара. Дано сие свидетельство кавал. обеззн. (имя рек) в том, что он именованный кавал. обеззн. имеет неограниченные права переходить,

³⁰ Там же, с. 161.

³¹ Там же, с. 208.

³² Там же, с. 224.

³³ А. Ремизов, *Собрание сочинений*, т. 8: *Подстриженными глазами. Иверень*, с. 337.

переезжать и перелетать все границы и через любые заставы, поставленные «свободолюбивыми» человеческими ячейками, и не связан никакими обязательствами и клятвами и никому ничего не должен – волен делать, что хочет, и думать, как взбредет в голову, храня хвост³⁴.

Мистификация-утопия Ремизова, таким образом, становится альтернативой той социально-политической реальности, в которой он оказался, и своеобразным способом ухода (бегства) из этой реальности. По сути дела она становится вариантом «внутренней эмиграции».

Но с началом эмиграции «внешней» (то есть с 1921 г., когда Ремизов покинул Россию), Обезвелоппал не утрачивает своей прежней цели, своей функции утопии, хотя именно эмиграция «внешняя» (жизнь в Берлине и особенно в Париже) должна была, казалось бы, сделать неактуальной для Ремизова ситуацию «внутренней эмиграции». Но дело обернулось таким образом, что и в «русском Париже» 1920-х годов Ремизов стал восприниматься едва ли не как чужой. В книге *Учитель музыки* он пишет:

Но я еще только входил в литературный круг и не мог понять, в чем тут небыллица: я еще не знал никаких литературных мерзостей, вроде бойкота – или замалчивания, широко практикующегося в эмигрантской печати³⁵.

Неприязнь и недоверие к Ремизову в русском литературном Париже после его переезда из Берлина в 1923 г. подтверждается письмом Д. Святополк-Мирского П. Сувчинскому от 8 января 1924 г.: «Видел Ремизова. Вид у него лучше, чем был в Берлине, и он как будто веселый. Но его обижают здешние литераторы Бунин и Мережковский, считают за большевистского агента и никуда не пускают»³⁶.

Ремизов не приемлет партийно-политическую ангажированность русской эмиграции, особенно ее парижского локуса, и отчасти поэтому он приобретает репутацию пробольшевистски настроенного писателя. Эта репутация Ремизова сохранится и позднее, когда в 1946 г. он будет печататься в газете «Советский патриот»: «Из 1947 г. мне памятли три крепких отзыва: „ретроград“, „подлец“, „советская сволочь“»³⁷.

³⁴ А. Ремизов, *Собрание сочинений*, т. 5: *Взвирённая Русь*, с. 224.

³⁵ А. Ремизов, *Собрание сочинений*, т. 9: *Учитель музыки*, с. 317.

³⁶ Цит. по: Е. Обатнина, *Царь Асыка и его подданные: Обезьяня Великая и Вольная Палата А.М. Ремизова в лицах и документах*, Санкт-Петербург 2001, с. 293.

³⁷ Н. Кодрянская, *Алексей Ремизов*, Париж 1959, с. 90-91.

Самой «парижской» книгой Ремизова является книга *Учитель музыки* (1-я редакция датируется 1934 г.), в которой отразились не только обстоятельства первых десяти лет его жизни в Париже (по определению Ремизова: «Учитель музыки» – моя бытовая автобиография»), но и своеобразная концепция эмигрантской жизни. Особенно примечателен подзаголовок книги: «Каторжная идиллия». В главе «На каторге» разъясняется смысл этого подзаголовка и одновременно – сущность русского эмигрантского Парижа:

Я как-то понял, что все мы здесь на каторге, и притом на бессрочной каторге. Для меня вдруг осветились многие из наших поступков, только и объяснимые нашим бессрочно-каторжным состоянием. Все друг друга ненавидят: везде одни враги³⁸.

Как показывает история Обезвельволпала, и в настоящей «внешней» эмиграции Ремизов продолжает оставаться своеобразным «внутренним эмигрантом», но теперь уже – по отношению к сообществу эмиграции «внешней»³⁹.

Библиография

- Безродный М., *Конец Цитаты*, Изд-во Ивана Лимбаха, Санкт-Петербург 1996.
Герштейн Э., *Мемуары*, ИНАПРЕСС, Санкт-Петербург 1998.
Доценко С., *Обезвельволпал А.М. Ремизова как зеркало русской революции*, „Europa Orientalis” 1997, XVI, № 2.
Иванова Е., *Феномен внутренней эмиграции*, „Век толерантности” 2001, № 1-2, [в:] <http://www.tolerance.ru/VT-1-2-fenomen.php?PrPage=VT>.
Инскрипты А.М. Ремизова из коллекции А.М. Луценко, Эхо, Санкт-Петербург 1993.
Кодрянская Н., *Алексей Ремизов*, Изд. авт., Париж 1959.

³⁸ А. Ремизов, *Собрание сочинений*, т. 9: *Учитель музыки*, с. 348-349.

³⁹ О своеобразной «литературной» эмиграции Ремизова писал М.В. Безродный: «Более известен, но тоже худо изучен „медиевизм” Ремизова – эмигранта в допетровскую и дониконовскую Русь и врага печатного станка». См.: М. Безродный, *Конец Цитаты*, Изд-во Ивана Лимбаха, Санкт-Петербург 1996, с. 119). В этом случае можно также говорить о своего рода «внутренней эмиграции», так как ремизовский «медиевизм» типологически сходен с эмиграцией как таковой (если понимать эмиграцию как уход в иное культурное пространство).

Обатнина Е., *Царь Асыка и его подданные: Обезьянья Великая и Вольная Палата А.М. Ремизова в лицах и документах*, Изд-во Ивана Лимбаха, Санкт-Петербург 2001.

Ремизов А., *Обезьяний манифест*, „Русское эхо” 1925, 30 августа.

Ремизов А., *Дневник 1917-1920 гг.*, „Минувшее: Исторический альманах” 1994, № 16.

Ремизов А., *Собрание сочинений*: в 10 т., т. 5: *Взвихрённая Русь*, Русская книга, Москва 2000.

Ремизов А., *Собрание сочинений*: в 10 т., т. 8: *Подстриженными глазами. Иверень*, Русская книга, Москва 2000.

Ремизов А., *Собрание сочинений*: в 10 т., т. 7: *Ахру*, Русская книга, Москва 2002.

Ремизов А., *Собрание сочинений*: в 10 т., т. 9: *Учитель музыки*, Русская книга, Москва 2002.

Седых А., *Далекие, близкие*, 3-е изд., Новое Русское Слово, Нью-Йорк 1979.

Троцкий Л., *Литература и революция*, Политиздат, Москва 1991.

Remizov A., *Affenmanifest*, „Die Literarische Welt” 1925, 16. Okt., № 2.

ABSTRACT

A. Remizov's *Obezvelvolpal* as a Model of “Internal Emigration”

Remizov's mystification *Obezvelvolpal* became an alternative to political and social reality during the years of the Russian revolution. At the same time, it can be considered as a model of “internal emigration”. After A. Remizov's real emigration in 1921, this mystification to an even greater extent received the function of “internal emigration” as an alternative to “external emigration”.

Keywords: Russian literature, A. Remizov, mystification, autobiography, internal emigration

Ключевые слова: русская литература, А. Ремизов, мистификация, автобиография, внутренняя эмиграция

Tom jubileuszowy, który oddajemy do rąk czytelnika, stanowi wyraz najwyższego uznania wobec imponującego dorobku naukowego oraz wdzięczności za lata działalności dydaktycznej Pana Profesora Wasilija Szczukina. Publikacja jest próbą odzwierciedlenia szerokiego spektrum zainteresowań badawczych Jubilata, oscylujących wokół historii literatury i kultury rosyjskiej, metodologii badań literackich, poetyki sztuki totalitarnej, a także szeroko rozumianej geografii humanistycznej; osadza jednocześnie te pojęcia w kontekście macierzystym badacza – to jest fenomenów przestrzeni i tożsamości. Z wielką radością pragniemy podkreślić, że niniejsza księga, na którą złożyły się teksty wielu wybitnych badaczy literatury, sztuki i kultury, pragnących uhonorować Profesora Szczukina, stanowi platformę do wymiany myśli naukowców reprezentujących ośrodki naukowo-akademickie między innymi w Polsce, Izraelu, Bułgarii, Kanadzie, Stanach Zjednoczonych, Rosji, na Litwie i Białorusi, co należy uznać za jawne świadectwo swoistej niezależności nauki i jej niepodlegania różnorodnym ograniczeniom, które w danym czasie i danej przestrzeni mogą hamować kontakty i zaburzać procesy konsolidacyjne na bazie twórczej wymiany.

<https://akademicka.pl>

ISBN 978-83-8138-730-9

